

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

**Байгуш. Из путешествий по
Южному Уралу**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Байгуш. Из путешествий по Южному Уралу / Мамин-Сибиряк Дмитрий
Наркисович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 36 с.

ISBN 978-5-519-95243-9

ISBN 978-5-519-95243-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Чудное лѣтнее утро. Башкирская степь еще дымилась радужнымъ туманомъ, уходя изъ глазъ широкими волнами. Мы остановились на одномъ изъ предгорій и невольно залюбовались развернувшейся подъ нашими ногами широкой картиной. Однообразный общій тонъ нарушался только свѣтлыми окнами степныхъ озеръ,—они еще были покрыты бѣлой пеленой утренняго тумана. Глазъ невольно искалъ на этомъ благодатномъ просторѣ человѣческаго жилья,—богатыхъ селъ, деревень, улусовъ, стойбищъ—и ничего не находилъ. Въ трехъ-четырехъ мѣстахъ по теченію какой-то степной рѣчки роковыми заплатами выдѣлялись пріисковья площади, и только.

— Гдѣ же тутъ живутъ?—спросилъ я своего спутника, Павла Степаныча, съ которымъ мы ѣхали на охоту.

— Да какъ вамъ сказать, — немного смутился онъ.—Однимъ словомъ, благословенная Башкирія,

—значить, пустыня. Вонъ тамъ у озера есть небольшая деревушка. Дворовъ пятнадцать осталось...

— Выгорѣла вся деревня?

— Нѣтъ, зачѣмъ выгорѣтъ, сохрани Богъ! Такъ, просто вымираютъ... Вотъ и у того озера тоже деревушка стояла!

По указанному направленію я могъ разсмотрѣть только нѣсколько бурыхъ пятенъ, а сохранившаяся башкирская деревня походила издали на неправильный рядъ кучекъ навоза. Картина незавидная....

— Отчего же онѣ вымерли, вотъ эти деревушки?

— Да такъ.... Отъ лѣности. • Работать не хотятъ башкиры, ну, и вымираютъ. Больше отъ голода, конечно. Ъсть нечего... Можно сказать, просто какъ мухи мрутъ.

Павелъ Степанычъ говорилъ такимъ спокойнымъ тономъ, точно кладбищенскій сторожъ. Сказывался привычный человѣкъ, достаточно насмотрѣвшійся на это башкирское вымираніе и потерявшій уже способность даже просто возмущаться этимъ обстоятельствомъ. Что же тутъ такого особеннаго? Ну, вымираютъ въ одиночку и цѣлыми деревнями, — кто же это не знаетъ?

Мнѣ показалось, что Павелъ Степанычъ точно былъ обиженъ моимъ вопросомъ, какъ иногда обижаются недѣльными дѣтскими вопросами. Для него,

прійсковаго челоуѣка, прожившаго всю жизнь въ степи, все было такъ ясно, просто и убѣдительно, точно башкиры для того только и существовали, чтобы вымирать. Да, подъ этимъ благодатнымъ просторомъ незримо витало что-то роковое, и мысль никакъ не могла примириться съ контрастомъ: зачѣмъ умирать именно здѣсь, въ этой благословенной и цвѣтущей Башкиріи, когда именно здѣсь-то, кажется, и слѣдовало жить?

— Да вотъ сами увидите, — проговорилъ Павелъ Степанычъ, точно отвѣчая на мой нѣмой вопросъ. — Вотъ тутъ недалеко въ сторонѣ есть башкирская деревушка. Увидите... А вонъ и нашъ Балбукъ, — смотрите влѣво.

Мы ѣхали изъ Балбука, — такъ назывались золотые промыслы, — по маленькой башкирской деревушкѣ. Оффиціальное названіе этихъ промысловъ — Каратабыно-Баратабынскіе, Оренбургской губерніи, Троицкаго уѣзда, Тунгатаровской волости.

Въ собственномъ смыслѣ Балбука, т.-е. башкирской деревушки, я совсѣмъ не видалъ, хотя и жилъ на промыслахъ уже недѣли двѣ. Все какъ-то такъ не случалось завернуть; деревушка торчала подъ бокомъ, всегда ее можно было видѣть, а я откладывалъ день за днемъ, какъ откладываешь чтеніе собственной книги, которая никуда не уйдетъ.

Изъ Балбука мы выѣхали раннимъ утромъ, что-

бы поохотиться въ предгорьяхъ южнаго Урала, разорванная цѣпь котораго громоздилась вправо отъ нашей дороги.

Извѣстно, что восточный склонъ Урала идетъ крутымъ обрывомъ, точно обвалившаяся стѣна какой-то гигантской постройки. Можетъ быть, этой геологической особенностью объясняется его необыкновенная рудоносность, а затѣмъ то обстоятельство, что между отрогами этого склона и прилегающей степной полосой разсыпаны тысячи озеръ всевозможной величины, придавая всему ландшафту удивительную красоту. Въ разрывахъ горныхъ массъ обнажались механическимъ путемъ рудныя мѣсторожденія, а изъ нихъ, благодаря работѣ воды и атмосферическихъ дѣятелей, образовались вторичныя рудныя мѣсторожденія, какъ золотыя россыпи, залежи желѣзныхъ рудъ и т. д.

Собственно, на южномъ Уралѣ основная ось горнаго кряжа развѣтвляется, и точкой этого горнаго узла является самая высокая гора на всемъ Уралѣ, Ирмель. Мы именно и ѣхали по направлению къ ней, поднимаясь на одно изъ тѣхъ горныхъ плато, которыя образовали между отрогами отдѣльныя террасы. Позади оставался другой горный узелъ—гора Уйташъ, которая послужила водораздѣльнымъ пунктомъ,—именно, у ея подножій берутъ свои начала три большихъ рѣки—Бѣлая (Бѣлая Воложка, по книгѣ «Большой Чертежъ»),

текущая на западъ, знаменитая казацкая рѣка Яикъ, по нынѣшнему Уралъ, текущая на югъ, и р. Уй, уходящая на востокъ въ степь. Мы скоро «вывершили» р. Уралъ, т.-е. переправились черезъ нее въ вершинѣ, гдѣ она шириной въ нѣсколько сажень. Скоро собственно степь была заслонена отдѣльнымъ горнымъ кряжемъ Ирындыкъ.

Что непріятно поражало глазъ, это—полное отсутствіе лѣса. Особенно тяжелое впечатлѣніе производили совсѣмъ голыя горы,—голыя въ полномъ смыслѣ, какъ колѣно.

— А вѣдь какіе боры тутъ стояли,—съ сожалѣніемъ говорилъ Павелъ Степанычъ, указывая на торчавшіе отдѣльные пни.—Все башкиришки вырубили... И горы-то теперь точно бритыя башкирскія башки. Весь лѣсъ стадили въ степь, главнымъ образомъ—на промыслы...

— Но, вѣдь, рубить лѣсъ и вывозить его изъ горъ — работа нелегкая, — значитъ, башкиры могутъ работать?

Мой вопросъ заставилъ Павла Иваныча только развести руками. Какая же, это работа? Просто растащили лѣсъ самымъ хищническимъ образомъ.

— Этакъ и конокрадство тоже работа будетъ,—объяснилъ онъ свою мысль.—А ужъ лучше башкиръ на это дѣло нѣтъ мастеровъ.... У одного священника черезъ крышу вытащили лошадь. Все было на замкѣ—и ворота, и конюшни, такъ они

разобрали крышу, связали лошадей, да связанную-то и вытащили через крышу. Однимъ словомъ, народецъ...

Скоро мы увидѣли небольшую башкирскую деревушку, раскидавшую свои бревенчатыя избенки у подножья безыменной горки. Чѣмъ ближе мы подвигались, тѣмъ унылѣе былъ видъ на эту башкирскую селитьбу. Всѣхъ избушекъ было не больше двадцати, и половина ихъ стояла пустая. Всѣ эти постройки ужасно напоминали гнилые зубы, и это сходство увеличивалось еще благодаря пустырямъ, отдѣлявшимъ большинство избъ, точно часть гнилыхъ зубовъ вывалилась.

Ничего унылѣе такой башкирской деревни нельзя себѣ представить... Отдѣльные избы выглядѣли какими-то уродцами: бревна сложены кое-какъ: окно одно, крыши были только на двухъ избушкахъ, да и какія крыши,—изъ какихъ-то гнилыхъ драницъ. Всего эффектнѣе были трубы, слѣпленные изъ глины. Двѣ трубы были устроены изъ досокъ, связанныхъ между собой, т.-е. веревкой изъ лыка. Въ самой хорошей избѣ, впрочемъ, труба была выведена изъ настоящихъ кирпичей, но только безъ цемента.

~~Или~~ Вѣроятно, откочевали въ горы?—спрашивалъ ~~я~~, оглядывая пустовавшія избы.

— Какія тамъ горы: откочевали на тотъ свѣтъ!..
— иронически объяснилъ Павелъ Степанычъ. — Вотъ

остается еще десятокъ жилыхъ избенокъ, да и тѣ вымрутъ. Посмотрите на нихъ, вонъ какими боярами лежать....

Слово «лежать» было какъ нельзя болѣе уместно, потому что въ двухъ окнахъ выставлялись башкирскія головы, — растянута на нарахъ, положилъ голову на подоконникъ и лежитъ цѣлый день. Мертвые дома, мертвые улицы, мертвая лѣнь... Около избъ буквально ни кола, ни двора, точно послѣ какого-нибудь непріятельскаго нашествія. Не видно ни куръ, ни какой другой домашней живности, и только бродятъ однѣ башкирскія собаки, которыя вымирали отъ голода вмѣстѣ съ хозяевами.

— Кумысу можно будетъ достать? — спросилъ я.

— Едва ли... У нихъ и лошади есть, только въ двухъ домахъ. Вонъ у Асана есть... Спросимъ...

Мы подъѣхали къ самой богатой избѣ, гдѣ въ окнѣ мелькнуло испуганное лицо молоденькой башкирки. Павелъ Степанычъ подошелъ къ окну и заговорилъ по-башкирски. Отвѣтъ былъ не въ нашу пользу. Богачъ Асанъ откочевалъ въ горы и тамъ пилъ свой кумысъ..

— Ну, и богачи... — протянулъ укоризненно Павелъ Степанычъ, отгоняя лаявшихъ собакъ.

Казавшаяся пустой, деревня была совсѣмъ не пуста, и мы нашли цѣлый «крутъ» башкиръ, сидѣвшихъ на корточкахъ. Они устроились въ тѣни пустой избы и громко о чемъ-то спорили. Наше

появленіе только на-время прервало это засѣданіе. Кругъ состоялъ исключительно изъ однихъ мужчинъ.

— Эхъ, господа! Шли бы вы лучше работать, чѣмъ зря время терять,—посовѣтовалъ Павелъ Степанычъ.—Вѣдь, страда стоитъ... Вотъ такъ цѣлые дни и сидятъ, талалакаютъ и никакъ не могутъ переговорить своихъ дѣлъ.

II.

Меня поразило въ этой башкирской деревушкѣ полное отсутствіе женщинъ и дѣтей. Кромѣ башкирки, въ домѣ Асана мы никого не видали. Это обстоятельство скоро разъяснилось; именно, отъѣхавъ отъ деревни съ полверсты, мы встрѣтили цѣлую гурьбу совершенно голыхъ дѣтей,—этотъ маленькій башкирскій народъ, повидимому, возвращался съ купанья въ ближайшей рѣчонкѣ. Единственный костюмъ «малаекъ» (малый — малаекъ) состоялъ изъ засаленной тюбютейки, а дѣвочки и этого не имѣли. Будущія жены и матери несли на рукахъ своихъ маленькихъ «баранчуковъ» (грудныхъ дѣтей), и это придавало очень трогательный характеръ живой картинѣ.

— Вы думаете, что это они съ купанья идутъ?—

спросилъ меня Павелъ Степанычъ, улыбаясь.—Ничуть не бывало... Дѣти до четырнадцати лѣтъ ходятъ голыми. Лѣтомъ-то еще ничего, а вотъ зимой вы посмотрѣли бы на нихъ... Мужчины и женщины еще кое-какъ прикрыты лохмотьями, а ребятишки такъ и мерзнуть всю зиму. Смотрѣть-то на нихъ тошнехонько...

Одна изъ причинъ необычайно быстрого вымирания башкирскаго племени была на-лицо. Послѣ систематической голодовки отсутствіе платья играетъ немаловажную роль. Бóльшей бѣдности трудно себѣ представить, и русская нищета и голь никогда не доходятъ до этихъ предѣловъ. Наконецъ, у русской бѣдности все-таки есть хоть какая-нибудь надежда поправиться, а тутъ и этого нѣтъ,—впереди одна голодная и холодная смерть.

Мнѣ было жутко, когда мы опять выѣхали на широкой просторъ башкирскаго поля. Какая здѣсь трава: человѣкъ идетъ по ней, такъ виднѣется одна голова! Полное горное приволье на каждомъ шагу, только нужны рабочія руки, чтобы оно реализировалось въ осязательной формѣ хлѣбныхъ полей, покосовъ и тучныхъ пастбищъ. Стояла самая горячая страдная пора, и глазъ невольно искалъ эту живую рабочую силу,—искалъ и не находилъ. Кругомъ развѣтывалась зеленая нетронутая пустыня, а здоровенные башкирищи сидѣли въ тѣни проваленной избенки и талалакали. Русскаго человѣка

не может не возмущать эта степная мертвая лѣнь, и у меня въ душѣ шевельнулось нехорошее чувство по отношенію къ оставшемуся назади башкирскому кругу.

— А вотъ посмотрите, какая работа идетъ... — проговорилъ Павелъ Степанычъ, указывая въ сторону, гдѣ въ высокой травѣ что-то двигалось. — Ахъ, мошенники!